

Адмирал А. В. Колчак и генерал М. Жанен: взаимоотношения верховного правителя России и главкома войск Антанты в Сибири

Руслан Гагкуев

Admiral A.V. Kolchak and General M. Janin:
the relationship between the Supreme Ruler of Russia
and the Commander-in-Chief of the Entente forces in Siberia

Ruslan Gagkuev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25010091, EDN: AISBXC

Вопрос о взаимоотношениях между генералом М. Жаненом и адмиралом А. В. Колчаком не обходится вниманием в работах, посвящённых контрреволюционному лагерю на Восточном фронте Гражданской войны. Отдельный интерес к этому сюжету связан с трагической судьбой Колчака и ролью в его гибели Жанена. Изначально у него не было никакого предубеждения против адмирала. Впервые он увиделся с Колчаком ещё 17 июля 1916 г.¹, на что первыми обратили внимание П. Флеминг и П.Н. Зырянов². В тот день, как писал сам Жанен, «адмирал Русин, начальник Морского Генерального штаба, приехал с ним в Могилёв, чтобы представить царю в качестве командующего Черноморским флотом»³.

Уже после падения монархии, 31 августа 1917 г. в одном из своих рапортов в Париж Жанен писал о Колчаке как о человеке, «который смог достаточно долгое время удерживать порядок на своём Черноморском флоте», но в то же время «не имел права препятствовать приезду ультралевых пропагандистов с Балтики, которые отправляли его матросов»⁴. В дневниковых записях за 25–26 июня 1917 г. Жанен отмечал, что Черноморский флот пребывал «в идеальном состоянии», но после того как «адмирал Колчак вернулся в Петроград», у российского побережья «тут же вновь начал появляться “Бреслау”»⁵.

11 октября 1918 г. Жанен, получив известие о создании в Уфе Временного Всероссийского правительства (Директории), писал председателю Совета министров и военному министру Франции Ж. Клемансо о Колчаке как об одном из кандидатов на пост главкома русскими армиями, подчинявшимися

© 2025 г. Р.Г. Гагкуев

¹ Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2. Ч. 2. М., 2013. С. 240. Здесь и далее даты приведены по новому стилю.

² Флеминг П. Судьба адмирала Колчака, 1917–1920. С. 87; Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. М., 2012. С. 253.

³ Janin M. Moje účast na Československém boji za svobodu / Z rukopisu přeložil Hanuš Jelínek. Praha, [1926]. S. 179; Janin [M.] Ma mission en Sibérie. 1918–1920. Paris, 1933. P. 43.

⁴ Service historique de la Défense Château de Vincennes (SHD). 16 N. Carton 3903. Dossier 1. [Août] 1917.

⁵ Janin M. En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917: le journal inédit du général Janin. Paris, 2015. P. 188.

новой коллегиальной власти. Среди других кандидатов назывались генералы М.В. Алексеев, В.Г. Болдырев и М.К. Дитерихс. Жанен полагал, что Алексеев не был бы одобрен левыми партиями, в то время как Дитерихс больше подходил для занятия должности начальника штаба. Делая выбор из оставшихся кандидатур, Жанен отдавал предпочтение хорошо знакомому ему Болдыреву⁶. Тем не менее само наличие в этом списке Колчака свидетельствует об отсутствии какого-либо предубеждения к нему у французского генерала.

Вскоре после прибытия Жанена в ноябре 1918 г. во Владивосток в Омске произошёл переворот, приведший на вершину власти верховного правителя России адмирала Колчака. Настороженное отношение и к событиям в Омске, и к самому Колчаку, впрочем, не помешало французскому генералу отправить 7 августа 1918 г. из Владивостока в Париж рапорт инженера-путейца Ж. Бийе, в котором немало места было уделено русскому адмиралу и содержалась исключительно положительная его оценка. «Колчака называют аскетом, — докладывал Бийе. — Это неверное определение. Верно то, что Колчак понимает необходимость суперской и сильной власти, что он патриот без личных амбиций, и он не хочет власти для себя. Адмирал Колчак — человек большого ума, он патриот и очень энергичен. Он на стороне союзников и против немцев. Крайне огорчительно, что представители союзников поверили, что их долг — оттолкнуть (и обогнать) единственного честного человека, который способен служить нашему делу, собрав и подчинив своей воле сторонников порядка, разделённых и рассеянных стараниями Хорвата»⁷.

Британский историк Флеминг отмечал, что какое бы впечатление у Жанена о Колчаке ни сложилось на протяжении 1916–1917 гг., в конце 1918 г. «оно было стёрто критическими отзывами», к которым французский генерал «жадно прислушивался и во Владивостоке, и в других местах»⁸. Документы свидетельствуют, что ко времени первой встречи в Омске с Колчаком в середине декабря Жанен уже составил для себя мнение о верховном правителе России. В дальнейшем к невысоким оценкам Жаненом Колчака как государственного и военного деятеля добавились личная неприязнь, возникшая на почве ряда конфликтных ситуаций, и уверенность в том, что адмирал — ставленник Лондона, самим своим приходом к власти обязанный британским агентам. Свою роль в ухудшении отношений между Колчаком и Жаненом сыграл и отъезд из Сибири в феврале 1919 г. военного министра Чехословакии М.Р. Штефаника, который всячески способствовал устраниению трений между двумя военачальниками⁹.

Очевидно, на отношение Жанена к Колчаку в числе прочего повлиял неудачный опыт его участия в попытке разрешить конфликт между верховным правителем и атаманом Г.М. Семёновым в начале декабря 1918 г. «Приходится признать, что адмирал Колчак, которого я считаю человеком глубочайшей порядочности, патриотом, искренне преданным интересам своей родины, лишен — при этом определённых качеств, необходимых для государственного деятеля, —

⁶ Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. В 2 т. Т. 1. СПб., 2021. С. 157–158.

⁷ SHD. 16 N. Carton 3810. D. 4. 7 août 1918.

⁸ Fleming P. The Fate of Admiral Kolchak. Hart-Davis, 1963. P. 126; Флеминг П. Судьба адмирала Колчака... С. 87.

⁹ Firsov E.F. Bojovník za národnú slobodu Milan Rastislav Štefánik vo svetle ruských prameňov // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie / Ed. M. Čaplovič, B. Ferenčuhová, M. Stanová. Bratislava, 2010. S. 42.

докладывал французский генерал из Омска в Париж 15 декабря 1918 г. — Поже, что политическая деятельность представляется ему в виде отстаивания своей гражданской чести». «Для частного лица такая позиция похвальна, но она может оказаться пагубной, если речь идёт о государственных делах, — замечал Жанен. — Он горяч, неспособен искать компромиссов, не желает идти на них, не принимает полумер, не хочет — хотя бы временно — подчиниться обстоятельствам, не видит в этих обстоятельствах тех опасных сторон, которые повлекут за собой трудноодолимые сложности. Непримиримость приводит его к безоглядной решительности, но он не достигает ею никаких результатов. Даже от своих подчинённых он не может добиться повиновения, которого требует». В конечном счёте французский генерал делал вывод: «В силу вышеперечисленных качеств, адмирал, несмотря на содействие, какое он может нам оказать и ради которого нам необходимо его поддерживать, становится для нас опасным подопечным. Он сеет вокруг себя недовольство, которое ослабляет его позицию и может повести к падению. Я считаю, что, сотрудничая с ним, необходимо отдавать себе отчёт и помнить об указанных мной особенностях»¹⁰.

Несмотря на невысокую оценку качеств Колчака как политика и управленца, Жанен всё же высоко ставил его как честного человека и патриота. Так, уже после ряда непростых встреч и переговоров с верховным правителем, он в отчёте, отправленном в Париж 4 января 1919 г., писал: «Адмирал Колчак — честный человек и патриот, полный желания увидеть торжество Священного союза. К несчастью, он утомлён физически, а в настоящий момент, по-видимому, даже болен. Нужно оказать ему всестороннюю помощь»¹¹.

В несложившихся взаимоотношениях двух военачальников свою роль сыграла и их психологическая несовместимость. С одной стороны — опытный в политических дела, не склонный к проявлению эмоций и принятию поспешных решений Жанен, с другой — не имевший значимого политического опыта, импульсивный и вспыльчивый Колчак, ставивший вопросы чести превыше политической целесообразности. По мнению французского историка Ж. Бийебо, стена, которая сразу отделила Жанена от Колчака, «росла с каждым днём, от встречи к встрече»¹². Полковник Р.Р. фон Раупах обращал внимание на то обстоятельство, что идеализм Колчака и его подпадание под разные течения «возникавших в кружке лиц, властвовавших над его волей», побуждали Жанена «постоянно жаловаться на трудность иметь дело с “сумасшедшим адмиралом”»¹³.

Многочисленные характеристики данные Жаненом Колчаку свидетельствуют о крайне непростом опыте их взаимодействия. «Сохранять хладнокровие, чтобы образумить человека, который не владеет собой, до того момента пока он не придёт в равновесие, — утомительно для нервов, — фиксировал французский генерал в дневнике 14 марта 1919 г. — Взрыв прошёл, и вот Колчак снова спокоен, и стал даже любезен». Не без раздражения описывал Жанен и результат встречи с верховным правителем 3 апреля 1919 г.: «Наконец, воз-

¹⁰ SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 209–210. 15 décembre 1918.

¹¹ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы в 2 т. Т. 2 / Отв. сост. А.Р. Ефименко. М., 2018. С. 561; Враг, противник, союзник? Т. 1. С. 163.

¹² Billebeau J. Le général Janin dans la tourmente sibérienne 1918–1920 // Revue historique des armées. № 186(1). 1992. P. 70.

¹³ Raupax P.P., фон. Facies Hippocratica (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года / Ред. и comment. С.А. Манькова. СПб., 2007. С. 273–274.

буждение Колчака улеглось, барометрическое давление вернулось к нормальной точке»¹⁴. В записи за 11 декабря 1919 г. французский генерал соглашался с одним из британских журналистом в том, что Колчак «одержим манией величия и наивным лукавством умопомешанного»¹⁵. В 1932 г. Жанен признавался, что «нервозность» Колчака оказывала на него воздействие и была ему «очень неприятна»¹⁶.

Ряд свидетельств очевидцев и донесений самого Жанена за 1918–1920 гг. говорят о том, что в это время неприязнь французского военачальника к верховному правителю нарастала. Со временем Жанен стал делать акцент исключительно на негативных сторонах личности Колчака. «Я уже говорил об адмирале, и о том, что думают о нём в стране, — писал генерал 6 июля 1919 г. — Его самостоятельная работа довольно слаба; фактически им руководят и отводят глаза. Его среда в настоящий момент подозрительна. Вокруг него вертятся женщины, связанные с людьми, находящимися под подозрением в шпионаже, германофильстве и антисоюзных поступках»¹⁷. 7 ноября 1919 г., в телеграмме министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу Жанен называл причиной в изменении позиции Колчака о плане генерала М.К. Дитерихса по переформированию армии не только «германофильские и пораженческие интриги», но и «ослабление рассудка» адмирала¹⁸. В воспоминаниях Жанен упоминал, что 21 февраля 1920 г. попросил пришедшего к нему одного из офицеров передать атаману Семёнову, что «глубоко сожалеет» о том, «что год назад пренебрёг его словами относительно опасной невропатии Колчака»¹⁹. Уже после возвращения в Европу он писал, что адмирал «не был хозяином своих нервов»²⁰. Трудно определить, насколько в воспоминаниях французского генерала, по определению П.Н. Зырянова, «краски на портрете Колчака... сгущены, а линии окарикатурены»²¹.

В опубликованных в 1920-х гг. дневниковых записях, прошедших серьёзную редакционную подготовку перед публикацией, Жанен среди «реакционеров и пройдох», стоявших у руля в Сибири, выделял «самого Колчака, ответственность с которого снималась его нервным заболеванием»²². В особенности негативные характеристики Колчака заметны в воспоминаниях Жанена. «Адмирал, человек, получивший прекрасное образование, — характеризовал его генерал, — обычно отличался утончённой любезностью и сдержанной речью, но если что-то эмоционально его возбуждало, то в порыве гнева он выражался с крайней резкостью, не помня себя. Такое могло с ним случиться в разговоре

¹⁴ Janin M. *Fragments de mon journal Sibérien* // *Le monde slave*. Paris, 1924. № 2. P. 229–230; Жанен [M.] Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 142–143.

¹⁵ Janin M. *Fragments de mon journal Sibérien* // *Le monde slave*. Paris, 1925. № 3. P. 354; Жанен [M.] Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 156.

¹⁶ Janin M. Milan Rastislav Štefánik: příspěvky k poznání jeho života a povahy / Z rukopisu přeložili Vladimír Häckl a Svatopluk Nečásek; část dokumentární přeložil Miroslav Černý. Praha, 1932. S. 59.

¹⁷ Janin M. *Fragments de mon journal Sibérien* // *Le monde slave*. Paris, 1925. № 3. P. 350; Жанен [M.] Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 151.

¹⁸ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Т. 2. С. 712.

¹⁹ Janin [M.] Ma mission en Sibérie, 1918–1920. P. 287.

²⁰ Janin M. Podmínky činnosti československého vojska v Sibiři // *Naše Revoluce*. 1928. Roč. 5. Č. 1–2. S. 27.

²¹ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. С. 532.

²² *Le journal Sibérien du général Janin* // *Le monde slave*. Paris, 1925. № 4. P. 23; Жанен [M.] Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 160–161.

с любым, и приступ гнева мог длиться чуть ли не час. Потом гроза проходила, и я вновь видел перед собой любезного адмирала, который интересовался моим мнением по поводу служебных дел. Мне всегда казалось, что это какая-то патология»²³.

Под занавес своего пребывания в России, когда поражение белого Восточного фронта было уже предрешено, в обширной телеграмме Клемансо от 10 января 1920 г. Жанен сообщал в Париж: «Колчак беспринципен (а главное, лишён здравого смысла, если не сказать больше)»²⁴. В воспоминаниях, описывая свою реакцию на полученное 13 февраля 1920 г. известие о расстреле Колчака, он вновь не удержался от в целом уничтожительной оценки верховного правителя, хотя и подчеркнул его высокие моральные качества: «Несмотря на всё это, я всё же испытывал к нему сочувствие. Извинением ему должна послужить его невропатия, ни корысть, ни низость не касались его бесстрашной души»²⁵. Уже после гибели Колчака в рапорте военному министру А. Лефевру от 20 июня 1920 г. Жанен вопрошал: «Почему мы упорствуем и желаем судить о Колчаке, его министрах и войсках лучше, чем сами русские?»²⁶.

Схоже с Жаненом отзывались о русском верховном правителе и другие члены Французской военной миссии в Сибири. Так, правый политик Ж. Лази вспоминал, что «по личным качествам адмирал был человеком чистого сердца, но слабым и нерешительным, робким, пасущим перед своим окружением в силу собственной непопулярности»²⁷. По словам другого члена миссии Л. Грондейса, в «адмирале чувствовалась печаль человека, чьи усилия не приносят результата». На основании своих встреч с Колчаком и общих впечатлений от пребывания на Восточном фронте голландец также делал вывод о том, что «у адмирала не было прочно установившегося авторитета», а сам он в 1918 г., «незнакомый с механизмом армии и не имевший политических убеждений, неизбежно попадал в руки серых кардиналов, и вся его политика носила характер скачков». Грондейс вспоминал, что во время разговора Колчак «мог вскинуться из-за пустяка. Близкие к нему люди восхищались его гневными вспышками, считали их проявлением силы и какого-то пророческого вдохновения, но это было опасной слабостью. Он был исполнен благородства, как его понимали старинные русские сказания – без гибкости, хитрости и осторожности. Он верил в то, что делал, и это хорошо. Он делал всё, во что поверил, и это было очень плохо. Его политика состояла из вспышек, и часто утром была одной, вечером другой»²⁸.

Во Французской военной миссии в 1919 г. в ходу был афоризм, приписываемый верховному комиссару графу Д. де Мартелю, хорошо отражающий отношение, сложившееся у французов в Сибири к верховному правителю: «Да, адмирал Колчак – человек хороший, но, если бы нашёлся кто-то получше, было бы ещё лучше»²⁹. Н.В. Устрялов, руководивший в 1919 г. пресс-бюро отдела печати при Совете министров Российского правительства, со слов

²³ Janin [M.] Ma mission en Sibérie, 1918–1920. P. 115.

²⁴ Grondijs L.H. Le Cas-Koltchak, contribution a l'histoire de la Révolution russe. Leiden, 1939. P. 205.

²⁵ Janin [M.] Ma mission en Sibérie, 1918–1920. P. 282.

²⁶ Grondijs L.H. Op. cit. P. 239.

²⁷ Lasies J. La tragédie sibérienne, le drame d'Ekaterinbourg, la fin de l'amiral Koltchak. Paris, 1921. P. 40.

²⁸ Грондейс Л. Война в России и Сибири / Под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2018. С. 393–394.

²⁹ Цит. по: Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. С. 429.

издателя «Отечественных ведомостей» кадета А.С. Белевского (Белоруссова) пересказывал слова Жанена о верховном правителе, из разговоров с третьими лицами: «Жанен разводит руками: везде отвратительно, некуда пойти, идёшь на самый верх, *mais là on trouve une femme hysterique...* (но там находится одна истерическая женщина. — фр.). Методы управления — большевистские, правительственный аппарат никуда не годен; повсюду произвол и беззаконие. Население раздражено, в деревню страшно сунуться, мы на вулкане. Ясно, что если так будет продолжаться и дальше, всё пойдёт прахом»³⁰. Сам Устрялов замечал, что «всякий жест самостоятельности» со стороны Колчака «некоторые союзные представители были готовы считать признаком германофильства. Колчак не хотел ползать на брюхе перед Жаненом, и этого было достаточно, чтобы последний записал адмирала чуть ли не в боши (в воспоминаниях Жанен не раз писал о сильной прогерманской партии в Омске. — Р.Г.)»³¹.

В документах, а затем в двух версиях воспоминаний Жанен записал крайне спорное предположение об употреблении Колчаком наркотиков. В телеграмме Бенешу от 8 ноября он сообщал: «Адмирал был в странном нервозном состоянии. Обвинение в кокаиномании, возможно, справедливо»³². В версии воспоминаний 1926 г. Жанен воспроизведя дневниковые записи за 7 ноября 1919 г. задавался вопросом: верно ли обвинение Колчака в употреблении морфия? При этом он упоминал слова Дитерихса о том, что верховный правитель страдает от «усталости мозга»³³. В записи за эту же дату, опубликованной в 1924 г., характеризуя состояние верховного правителя, французский генерал писал: «Он похудел, подурнел, взгляд угрюм, и весь он, как кажется, находится в состоянии крайнего нервного напряжения. Он спазмодически прерывает речь. Слегка вытянув шею, откидывает голову назад и в таком положении застывает, закрыв глаза. Не справедливы ли подозрения о морфинизме? Во всяком случае, он очень возбуждён в течение нескольких дней. В воскресенье, как мне рассказывают, он разбил за столом четыре стакана»³⁴.

В своих французских мемуарах 1933 г. Жанен отмечал: «Мне не раз внушили тревогу утомлённый и вместе с тем лихорадочный вид адмирала. Должен сказать, что многие — Дитерихс был из их числа — считали, что с некоторых пор он прибегает к морфию»³⁵. В другом месте Жанен вновь упоминал мнение Дитерихса, полагавшего, с его слов, что у адмирала «какая-то нервная болезнь, и министры того же мнения, видя некоторые медицинские симптомы»³⁶. Вслед за своим шефом схожую характеристику давал входивший в состав миссии в Сибири бригадный генерала Ж.Ж. Рукероль: «Перепады настроения, столь частые у адмирала Колчака, закрепили за ним репутацию женственной натуры, склонной к наркомании. Генерал Дитерихс откровенно считал адмирала морфинистом, другие (министры) говорили о параличе дееспособности»³⁷.

³⁰ Устрялов Н.В. 1919-й год. Из прошлого / Подгот. текста и comment. А.В. Смолина // Русское прошлое. Кн. 4. СПб., 1993. С. 274.

³¹ Там же. С. 236.

³² Grondijs L.H. Op. cit. P. 73.

³³ Janin M. Moje účast na Československém boji za svobodu. S. 304.

³⁴ Janin M. Fragments de mon journal Sibérian // Le monde slave. Paris, 1924. № 2. P. 238; Жанен [M.]. Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 154.

³⁵ Janin [M.] Ma mission en Sibérie, 1918–1920. P. 176–177.

³⁶ Ibid. P. 212.

³⁷ Rouquerol J. La guerre des rouges et des blancs: l'aventure de l'amiral Koltchak. Paris, 1929. P. 57.

Об отсутствии каких-либо подтверждений этого предположения Жанена вскоре после публикации отрывков из его «сибирского дневника» писал историк С.П. Мельгунов, указав, что из знавших Колчака «никто другой об этом не говорит», и все, кого он расспрашивал при работе над вышедшей в 1930–1931 гг. книгой «Трагедия адмирала Колчака» о возможном употреблении адмиралом наркотиков, «решительно отрицают это»³⁸. Служивший с Колчаком контр-адмирал М.И. Смирнов в рецензии на публикацию воспоминаний Жанена писал: «Всякий знавший адмирала может сказать, что это вздор»³⁹.

Единственной отсылкой к возможному употреблению наркотиков Колчаком остаётся упоминание, выявленное Зыряновым⁴⁰ в написанных в 1933–1934 гг. и неизданных мемуарах журналиста С.А. Елаича «Обрывки воспоминаний о событиях 1917–1920 гг.»⁴¹. Елаич пробыл в Омске с конца октября 1918 по 12 ноября 1919 г. и служил в это время заведующим информационным отделом МИД, перейдя затем в МВД, оказавшись в итоге в Земском союзе. Определяющей для его осведомлённости о происходивших в Омске событиях была дружба с В.Г. Жуковским, в 1918–1919 гг. последовательно занимавшим должности товарища министра иностранных дел Временного Сибирского, затем Временного Всероссийского и, наконец, Российского правительства; с мая 1919 г. Жуковский был товарищем управляющего МИД.

Елаич был убеждён в употреблении адмиралом наркотиков: «Лица, очень близкие к Колчаку и к нему расположенные и, безусловно, заслуживающие доверия, передавали мне, что он постоянно прибегал к сильнодействующим наркотикам, т.е. был наркоманом. А как известно, наркотики прежде всего разрушительно действуют на волю человека. Болезнь Колчака в декабре 1918 г., о которой упоминает Гинс в своей книге⁴², тогда же объяснялась стойкой молвой тем, что у адмирала временно иссяк запас наркотиков, которых в Омске достать было нельзя и за которыми был послан на восток специальный агент. И вряд ли этот слух был наветом на адмирала... Несомненно, однако, что именно действием наркотиков приближённые адмирала объясняли его болезненную вспыльчивость, чрезмерную раздражительность и полнейшую неуравновешенность его характера»⁴³.

Подобное утверждение могло быть отражением ходивших в столице белой Сибири слухов, но само по себе едва ли является надёжным свидетельством. Ни Елаич, ни Жуковский не входили в круг общения не только самого Колчака, но и стоявших близко к нему людей. Тем не менее слухи об употреблении адмиралом наркотиков позднее проникли в историческую прозу. Так, писатель В.Е. Максимов в опубликованной впервые в 1986 г. повести «Заглянуть в бездну» от имени не существовавшего француза Поля Бержерона писал: «Поговаривают, что адмирал употребляет наркотики, но если бы я оказался на его месте, то, наверное, я делал бы то же самое»⁴⁴. В начале 1990-х гг. В.Л. Каза-

³⁸ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М., 2004. С. 16.

³⁹ Смирнов М. Трагедия адмирала Колчака (воспоминания генерала Жанена) // Часовой. № 143. Париж, 1935. С. 20.

⁴⁰ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. С. 532.

⁴¹ ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 306.

⁴² Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. II. Харбин, 1921. С. 98.

⁴³ ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 306, л. 35 об.

⁴⁴ Максимов В.Е. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М., 1993. С. 179.

ков опубликовал отрывок «Бержерона»⁴⁵ как самостоятельное произведение в сборнике «Прости, великий адмирал»⁴⁶, что способствовало ещё большему распространению не имеющего надёжного подтверждения мнения французского генерала.

В 1963 г. в предположении Жанена о приверженности Колчака наркотикам усомнился П. Флеминг, указав на его попытки «посмертно очернить Колчака»⁴⁷. Об отсутствии каких-либо доказательств употребления верховным правителем России морфия не раз писали и современные исследователи, в частности В.Г. Краснов⁴⁸, И.Ф. Плотников⁴⁹, В.Г. Хандорин⁵⁰ и др. Наиболее же убедительно опроверг предположение Жанена П.Н. Зырянов. Он справедливо обратил внимание на то обстоятельство, что найти наркотики в 1918–1919 гг. в переполненном людьми Омске едва ли могло составлять большую проблему. Но вряд ли Колчак смог бы это сделать во время заключения в тюрьме в Иркутске, где он просидел почти месяц. При этом державшие его в заключении тюремщики не упоминают о каких-либо следах «ломки» у бывшего верховного правителя, а стенограммы допросов с ним позволяют представить, что со следователями разговаривал человек, находящийся в адекватном состоянии⁵¹. Не найдены какие-либо подтверждения употребления им морфия и в известных документах (в том числе Дитерихса). Вероятнее всего, «предположение» Жанена было вызвано отсутствием у него проверенных информаторов и собственными домыслами, что было характерно для его донесений и в Перовую мировую, и в Гражданскую войны⁵².

Причин неприязненного отношения Жанена к Колчаку было несколько, при этом не все они обусловлены личной неприязнью между двумя военачальниками. Наиболее болезненным для Жанена стало фактическое поражение Франции в борьбе с Великобританией за влияние на Колчака и Российское правительство в конце 1918 – начале 1919 г. Постепенный отход французской политической элиты от борьбы за верховенство в Сибири едва ли сильно зависел от Жанена, полномочия которого в 1918–1919 гг. неоднократно урезались союзным командованием и французским политическим и военным руководством. Но для самого Жанена именно Колчак был своеобразным символом победы британцев в закулисной борьбе, ставленником главы британской военной миссии генерала А. Нокса, пришедшим к власти в результате организованного Великобританией переворота и получившим большее, чем у французов, влияние.

В этом отношении вопрос о верховном командовании войсками Восточного фронта был вторичен, хотя нередко именно ему придаётся первостепенное значение в объяснении причин тяжёлых взаимоотношений между Колчаком

⁴⁵ Бержерон П. «...Адмирал: идущие на смерть приветствуют тебя» // Прости, великий адмирал!. Эссе к портрету Александра Васильевича Колчака. Барнаул, 1992. С. 41.

⁴⁶ Новиков С.В. Адмирал Колчак в Омске: к истории Гражданской войны в России и геополитического передела Европы после Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. Т. 5. 2020. № 4. С. 36–37.

⁴⁷ Fleming P. The Fate of Admiral Kolchak. Р. 141; Флеминг П. Судьба адмирала Колчака... С. 89–90.

⁴⁸ Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 2. М., 2000. С. 164.

⁴⁹ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 161.

⁵⁰ Хандорин В.Г. Мифы и факты о Верховном правителе России. М., 2019. С. 27.

⁵¹ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. С. 532.

⁵² Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. С. 16.

и Жаненом. По мнению многих исследователей, французский генерал затаил обиду на верховного правителя, категорически несогласного с его назначением на этот пост командованием Антанты⁵³.

Вопрос о верховном командовании действительно бурно обсуждался Жаненом и Колчаком и привёл к их конфликту, однако его значение не стоит преувеличивать. Ознакомившись с состоянием вооружённых сил, французский генерал не случайно довольно быстро пошёл на компромисс с верховным правителем, опасаясь вставать во главе русских войск, когда сами русские этого не желали⁵⁴. Ему явно не хотелось ввязываться в «авантюру» с верховным командованием: почти не располагая надёжными войсками, он мог столкнуться с саботажем своих приказов. Жанен вполне обосновано пришёл к выводу, что командование войсками с невысокой боеспособностью приведёт только к падению престижа французской армии⁵⁵. Думается, что столь долгие переговоры в конце 1918 – начале 1919 г. между двумя военачальниками были вызваны скорее необходимостью для Жанена выполнить приказ и найти возможность утвердить другую конфигурацию командования, чем его реальным стремлением стать главкомом Восточного фронта. В январе 1919 г. Жанен вполне осознанно согласился стать заместителем главнокомандующего Колчака, рассчитывая сохранить своё влияние и соблюсти интересы Франции.

Другой причиной напряжения во взаимоотношениях между военачальниками была «чехословацкая проблема». Отвод частей Чехословацкого корпуса с фронта, вопрос их эвакуации из России (через Архангельск, Царицын, Владивосток?), стычки и взаимные претензии между русскими и чешскими военными – всё это делало неизбежным перманентный конфликт между Колчаком, как верховным главкомом русских войск, и Жаненом, стоявшим во главе чехословацких сил, в 1919 г. контролировавших к тому же главную транспортную магистраль Сибири. Жанен позднее пересказывал одну из своих бесед с адмиралом о чехословаках: «Колчак переходит затем к разговору о чехах и в резких выражениях осуждает их враждебную позицию, чреватую большими опасностями, что в конце концов принудит его разоружить их силой: он сам “станет во главе своих войск, прольётся кровь” и т.д., как обычно. Он долго распространяется на тему об отсутствии у чехов уважения к русским, говорит о их непочтительности по отношению к иркутским властям. Он обвиняет их в дерзости на том основании, что они требуют, в целях охраны железнодорожного пути, права самостоятельного распоряжения во всей отчуждённой зоне и право объявлять военное положение там, где они считут это нужным»⁵⁶.

Как бы Жанен ни относился к разного рода происшествиям, связанным с чехословацкими войсками, как их командующий он всегда занимал сторону подчинённых, полагая, что старался «достигнуть доброго согласия», но ничуть не мог «помочь делу: русские, на всех ступенях, полны недоброжелательства, которое очень затрудняет мои усилия. В своём же глазу они не видят бревна». Такое отношение со стороны русских Жанен списывал на германофильтские

⁵³ См.: Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. С. 125; Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. С. 429; Смолин А.В. Взлёт и падение адмирала Колчака. СПб., 2018. С. 181 и др.

⁵⁴ Враг, противник, союзник? Т. 1. С. 162–163.

⁵⁵ Janin M. Moje účast na Československém boji za svobodu. S. 193, 195; Janin [M.] Ma mission en Sibérie, 1918–1920. Р. 56.

⁵⁶ Janin M. Fragments de mon journal Sibérien // Le monde slave. Paris, 1924. № 2. Р. 230; Жанен [M.] Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 142.

круги, имевшие, по его мнению, большое влияние в Сибири, но доказательства существования которых он так и не предоставил. К примеру, в конфликте чинов чехословацких войск с главным начальником Иркутского военного округа генерал-лейтенантом В.В. Артемьевым он «не мог обвинять чехов», поскольку они «враждебно относятся к человеку, который заявляет, что он является их врагом и предпочитает видеть в Иркутске скорее немецких офицеров, чем чехов»⁵⁷.

Усугубляли взаимоотношения и трения из-за разного рода национальных формирований, содействие которым командование Антанты вменяло Жанену⁵⁸. «Спокойно беседуя, мы коснулись вопроса об иностранцах (латышах, сербах и пр[оч.]), — писал Жанен в дневнике 3 апреля. — Он (Колчак. — Р.Г.) вскипал, как молочный суп, и начал резкими выражениями изливать свои жалобы на них. Он ссылается на свидетельство полковника Уорда, который счёл их опасными и подлежащими расформированию». Вполне очевидно, что Колчак болезненно воспринимал формирование и вооружение частей из бывших русских подданных или военнопленных, оказывающихся вне его контроля, а главное — фронта. Жанен со своей стороны был убеждён, что занимается «последовательным упорядочением всех этих иностранных отрядов, согласно повторным инструкциям, которые я получил от их правительства»⁵⁹. Правда, это «упорядочивание» всегда проходило вдали от фронта и не давало Колчаку как главкому ни одного штыка подкрепления.

Отношение самого Колчака к Жанену в явном виде не отражено ни в одном из известных на сегодня источников. Верховный правитель нередко негативно отзывался о помощи союзных стран в целом, в наибольшей же степени — о чехословацких войсках и о некоторых из их военачальников. Очевидно, что это не могло не сказываться и на его отношениях с командовавшим ими французским генералом. Сам Жанен в мемуарах упоминал со слов Штефаника⁶⁰, что командовавший Сибирской армией генерал-майор Р. Гайда при разговоре с Колчаком убеждал его быть более благожелательным к Жанену. Колчак в свойственной ему откровенной манере отвечал, что у него нет желания «вести себя любезно по отношению к союзникам». В отношении же самого Жанена он, в пересказе Гайды, высказался что французский генерал, по всей видимости, «честный человек», но «слишком жёсткий», с которым невозможно вести переговоры и договариваться⁶¹. Подобное мнение о нём Колчака, услышанное через третьих лиц, и, возможно, не вполне достоверное, едва ли способствовало улучшению отношений между русским адмиралом и французским генералом.

Оценивая в 1920-е гг. результаты своей миссии и говоря о событиях конца 1919 г., Жанен повторял сложившуюся у него в голове концепцию Гражданской войны в Сибири, отводя центральное место в неудаче противникам большевиков — Колчаку и британцам. «Что ни говори, а нашим английским товарищам повезло с Колчаком, — заключал он. — Без него, не знаю, восторжествовал ли большевизм в России, но Сибирь, я уверен, была бы от него

⁵⁷ Janin M. *Fragments de mon journal Sibérien* // *Le monde slave*. Paris, 1924. № 2. Р. 230; Жанен [M.] Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 142.

⁵⁸ Janin M. *Moje účast na Československém boji za svobodu*. S. 235–236.

⁵⁹ Janin M. *Fragments de mon journal Sibérien* // *Le monde slave*. Paris, 1924. № 2. Р. 229; Жанен [M.] Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 142.

⁶⁰ Janin [M.] *Ma mission en Sibérie, 1918–1920*. Р. 281.

⁶¹ Janin M. *Moje účast na Československém boji za svobodu*. S. 198–199.

спасена. Народный подъём не был бы задушен полицейской реакцией, которая опротивела и русским, и иностранцам». Оправдывая свои действия по поддержке Колчака и Российского правительства, он привычно ссылался на необходимость выполнения приказов и игнорирование в Париже его мнения. «Прав ли я был, выполняя получаемые приказы и косвенно поддерживая это правительство, промахи которого я видел и отстранялся от мысли его оздоровить?» — вопрошал Жанен. И сам отвечал: «Больше всего меня удручало, что на Западе, когда я твердил о гибельной политике, которая кончится падением омского правительства, меня так и не услышали. После того, как мои предупреждения, присыпаемые из России в 1916–1917 гг., подтвердились, могли бы мне поверить!»⁶².

Очевидно, что взаимоотношения между Жаненом и Колчаком оказали влияние на развитие событий Гражданской войны в конце 1918 – начале 1920 г. Отсутствие взаимопонимания между двумя военачальниками было вызвано как личными, так и политическими причинами. Своеобразная психологическая несовместимость Жанена и Колчака приводила к постоянным трениям между ними по самым разным вопросам — начиная от незначительных, приобретавших неоправданно большое значение, и заканчивая принципиальными для существования всего Восточного фронта. Впрочем, гораздо большее значение имели споры и конфликты, связанные с чехословацкими войсками, а также общая противоречивая линия Франции и других стран Антанты по вопросу интервенции в России. Подковёрное противостояние французов и британцев в Омске, обвинения по поводу роста влияния последних на Колчака, питавшиеся как обидой после существенного урезания полномочий, так и многочисленными слухами, делали отношение Жанена к Колчаку предвзятым. Это проявлялось как при жизни русского адмирала в донесениях командованию в Париж, так в особенности после его трагического конца, когда французский генерал стремился всячески оправдать свои действия в конце 1919 – начале 1920 г.

---

⁶² Ibid. S. 309; *Janin [M.] Ma mission en Sibérie, 1918–1920.* P. 198.